

ДОМА КАК ВМЕСТИЛИЩА ПАМЯТИ: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРИВЯЗАННОСТИ К ИМУЩЕСТВУ

С.А. Гюнгёр

(пер. с англ. С.В. Соколовского)

Сибель Аксу Гюнгёр | <http://orcid.org/0000-0003-4514-3673> | sibel.gungor@puhu.com |
PhD в области антропологии, исследователь | Центр исследований и консультаций
(PUNU) (Кадыкей, 34740, Стамбул, Турция)

Ключевые слова

коллекция, вещи, меморабилиа, память, реификация, классификация, представления о Себе

Аннотация

Статья посвящена обзору и анализу широкого спектра практик коллекционирования – от навязчивого накопления вещей определенного вида до собирания произведений искусства отдельными людьми и музеями. Кроме того, есть люди хранящие вещи, связанные с их опытом и намерениями; этот вид собирания автор обозначает как идиоцентристское и исследует мотивы таких хранителей. Утверждая, что коллекционирование является одним из психических проявлений человека, данное исследование использует теоретический подход, охватывающий дискуссии (включая глубинные интервью и фокус-группы) об отношениях человека и вещи, памяти и самости. Для оценки полученных данных используются когнитивная перспектива и этносемантический анализ. Автор приходит к выводу, что идиоцентристское коллекционирование представляет собой способ соединения прошлого и будущего, дающий хранителям ощущение непрерывности и связности во времени и пространстве.

Информация о финансовой поддержке

Перевод выполнен в рамках исследовательской программы, поддержанной Грантом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения: 075-15-2022-328]

Цивилизация не могла бы существовать без сборщиков (*collectors*) налогов, ренты, информации, урожая и мусора... (*Cardinal, Elsner* 1994: 2). Общества накапливают материальные воплощения своих ценностей, чтобы передать их по наследству новым поколениям и обеспечить преемственность. В этой перспективе собирание (*collecting*) выступает как вторичный способ взаимоотношений между людьми и материальным миром.

Есть люди, которые собирают вещи, связанные с их собственным опытом, чтобы материализовать его как свидетельство и прикоснуться к своим воспо-

Статья поступила 14.08.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.09.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Гюнгёр С.А. Дома как вместилища памяти: когнитивный анализ привязанности к имуществу // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 44–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060040>
EDN: MNYEVA

Güngör, S.A. 2023. Doma kak vmetilishcha pamiati: kognitivnyi analiz priviazannosti k imushchestvu [Homes as Memory Boxes: A Cognitive Approach to Understanding Attachment to Possessions]. *Этнографическое обозрение* 6: 44–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060040> EDN: MNYEVA

минаниям. А есть люди, собирающие вещи, которые, по их мнению, им когда-нибудь пригодятся. Они хранят их, чтобы завещать своим детям и даже еще не рожденным внукам, чтобы помнить и чтобы однажды вспомнили о них самих. Это исследование посвящено тем, кто собирает вещи, *связанные с их жизнью*. Изучение отношения к объектам как воплощению прошлого и будущего позволяет исследовать мотивы людей. Рассматривая объекты как репрезентации прошлого и будущего “Я”, я пытаюсь понять связь людей с материальным миром. Я предполагаю, что коллекционирование является проявлением определенных характеристик сознания, и мое исследование призвано продемонстрировать многосторонний подход к практике коллекционирования.

Предыстория исследования. Коллекционирование определяется как сбор и отбор вещей (Pearce 1995). Однако его основное значение оказывается в тени из-за рассмотрения в западной мысли систематического коллекционирования как *хобби*. Более того, существует семейство терминов, подтверждающих предположение, что “коллекционирование” в основном используется для обозначения понятия в этом “западном” смысле: объекты этой практики называют *предметами коллекционирования (collectibles)*, ее субъект именуется *коллекционером*, а подбор предметов – коллекцией. В то же время в турецком языке есть два слова для обозначения разных способов сбора: *biriktirmek* и *koleksiyon yapmak*. *Бириктирмек* относится к любому способу накопления или собирания¹. Этот термин охватывает все значения, связанные с объединением и увеличением числа отобранных элементов за определенный период. *Коллекцион япмак* – глагол, состоящий из двух слов, одно из которых заимствовано из английского (*collection*). Таким образом, термин *коллекцион япмак* связан с западным понятием коллекционирования, и ясно, что в его значении преобладает компонента “коллекция”.

В литературе коллекционирование считается западной практикой (Belk 2006: 534–545; Clifford 1988: 215–251; Pearce 1995: 39–150; Cardinal, Elsner 1994). Словоупотребление как в английском, так и в турецком языках подтверждает, что люди собирают вещи, значение и ценность которых определяется культурой, в которой они родились. Коллекционирование обсуждается в широком диапазоне – от патологического накопления до собирания произведений искусства или музейных ценностей. Существует тем не менее способ сбора, который не определяется ни как “патологический” (как при компульсивном накопительстве; см.: Frost, Steketee 2010), ни как “институциональный” (как при систематическом коллекционировании в качестве хобби или с эстетической целью; ср.: Pearce 1995). Я имею в виду коллекционирование, о котором уже говорилось выше, когда люди хранят и собирают вещи, связанные с их жизненным опытом, или те, что могут понадобиться им, их детям и внукам. Чтобы провести границу между способами сбора, я предлагаю для обозначения последнего способа использовать термин *идиоцентристское коллекционирование*.

Эта практика (идиоцентристское коллекционирование) не упоминается в [литературе о] самоидентификации, а коллекционеры занимаются своим любимым делом, зачастую не осознавая ее роль для своего “Я”. Таким образом, лица, собирающие и хранящие *меморabilia*, *мементос*, сувениры и эфемерные мелочи, должны обозначаться более широким, нежели “коллекционер”, термином. Для людей, собирающих вещи, связанные с их жизнью, я предлагаю использовать термин “хранитель” (*keeper*). Из-за существующей тенденции рассматривать такое коллекционирование как отклонение и институциональные ожидания в отношении “настоящих коллекций” хранители обычно не относят себя ни к патологическим накопителям-скопидомам (*hoarders*), ни к коллекционерам. Кроме того, они не образуют отдельного сообщества.

Анализ практики собирания требует трехстороннего обсуждения: когда мы фокусируемся на ее *объектах*, мы обретаем основу для обсуждения субъект-объектных отношений; когда акцентируем внимание на самой *практике* – сталкиваемся с междисциплинарной литературой, так как способы собирания различаются (от [патологического] накопления до коллекционирования произведений искусства); наконец, когда мы сосредотачиваемся на *субъекте* практики, особое внимание уделяется представлениям о Себе.

Цели коллекционирования

Отношения человека и объекта. Отношения между человеком и объектом веками находились в центре внимания сначала философов, а затем социальных исследователей. Философы обсуждали восприятие физических форм и идеи вещей (*Lacewing n.d.*; *Redding 1997*; *Pearce 1995*). В то время как философские подходы были сосредоточены на восприятии вещей, научный подход в рамках эпистемы Просвещения создал дуализм *активных* субъектов (людей) и *инертных* объектов (вещей), отделяющий даже человеческое тело от остального материального мира (*Pearce 1995*: 50). Пирс предлагает разделить научные подходы на три группы, отражающие разные позиции: функционалистскую, структуралистскую и историческую. Функционалистская точка зрения рассматривает объекты как преобразованные культурой вещи, функционирующие как средства поддержания системы производства и сбыта и социального престижа (*Ibid.*).

Один из пионеров теории культуры Карл Маркс (не без влияния Гегеля и Моргана) сосредоточился на отношениях между человеком и объектом, считая, что история идет по пути, определяемому этими отношениями. Он полагал, что “первым историческим актом является... производство средств для удовлетворения потребностей, производство самой материальной жизни” (*Marx, Engels 2004*: 70)². Его широкое определение товара важно и для нашего рассмотрения:

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря своим свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, порождаются ли они, например, желудком или фантазией, – ничего, по сути, не меняет. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли как жизненное средство, т.е. предмет потребления, или окольным путем, как средство производства (*Marx 1992*: 125)³.

Меморабилиа обычно являются и товаром. В основном это обычные артефакты, которые производятся для удовлетворения наших потребностей. Однако памятные вещи иногда имеют природное происхождение. Они производятся телом человека (ногти, волосы или пуповина) или природой (камни, цветы, земля).

В большинстве социальных теорий мы можем обнаружить следы отношений между человеком и объектом. Материальные объекты в виде тотемов или даров, как и устанавливаемые человеком классификационные границы, стали основанием дискуссий об обществах, религиях, космологиях и человеческом познании (*Durkheim 2004*; *Layton 2006*: 30). Организуя окружающий нас материальный мир, мы его присваиваем. Сходным образом хранители классифицируют, выбирают, сохраняют и собирают вещи, чтобы сделать внешний мир своим. Подобно тотемам, памятные вещи приобретают значение, когда помещаются в мир человека-хранителя, но они, в отличие от тотемов, не являются единственными в своем роде. Связанные с хранителем, эти “собрания” могут состоять из разных предметов (напр., из сделанного вручную кольца, футболки, письма или фотографии в рамке). В случае идиоцентристского коллекционирования хранители налагают границы на предметы, которые их окружают. Они

классифицируют их на то, что связано с их жизнью, и что нет. Они классифицируют вещи прошлого и вещи будущего.

Вторая группа подходов к отношениям между человеком и вещью, предложенная Пирсом, выражает структуралистскую позицию (Pearce 1995: 15). Структурализм, семиотика и феноменология указаны как фундаментальные теоретические подходы, которые продолжают развиваться и имеют множество версий (Tilley 2006: 7). Указывая на вещи как на элементы когнитивной системы, структуралистская мысль вносит свой вклад и в наше понимание меморабилия. Структурализм утверждает, что культурная значимость объектов и действий определяется их местом в когнитивной системе (Layton 2006: 29). Памятные вещи драгоценны для хранителей. В основном это обычные вещи, которые становятся ценными, когда обретают место в когнитивной системе хранителя. В своей влиятельной работе “Система вещей” (1968) Бодрийяр предполагает, что значение объекта создается его отношением к другим объектам, и эта сеть отношений позволяет людям создавать свои собственные миры (Baudrillard 2010: 108–116). Материальный мир является неязыковой семиотической системой, представленной множествами объектов (Barthes 1986: 23–31; Tilley 2006: 8). Я нахожу аналогию между словами и объектами плодотворной для моего исследования. Я также рассматриваю коллекции памятных вещей как нелингвистические семиотические системы. Хранители конструируют личный язык через собираемые ими вещи. Имеются означающие в виде драгоценных единиц означаемых ими идей. Пуповина – символ связи между матерью и ребенком, а школьный дневник – признак успеха или достигнутой цели.

Поскольку нас интересуют “встречи людей, опыт и понимание обычных вещей” (Thomas 2006: 43), очевидно, что феноменология внесет большой вклад в дискуссии о субъект-объектных отношениях. Хайдеггер восстановил материальный мир, заявив: “Обычные вещи... всегда встроены в сложную сеть отношений между людьми и вещами” (Heidegger 1996, цит. по: Thomas 2006: 46). Чтобы сделать это утверждение более ясным, я позволю себе заменить молоток Хайдеггера⁴ своим примером: чашка предназначена для питья или подачи чая, для согревания или беседы с друзьями. Это относится и к чайнику, в котором приготовлен чай, или к сахару и меду. Чашка предназначена для того, чтобы помнить о старших родственниках или о нашем желании иметь ее. Она отражает свою стоимость или выбор дизайнера. Иными словами, чашка не является изолированным объектом, это тотальность.

Вторая половина XX в. стала свидетелем реформирования подходов, обсуждавшихся до сих пор. Этот пересмотр был направлен на решение таких проблем, как экономический и технический редукционизм (в некоторых версиях марксизма), внеисторический подход (в структурализме) и отсутствие учета власти и господства (в значительной части феноменологической мысли). Тем не менее ключевые идеи этих трех традиций заложили основу для последующего развития (Tilley 2006: 9). Постструктурализм открыл новый раунд обсуждения структуралистских подходов. Обосновывая исторический подход, Пирс отбирает ту часть оппозиционных точек зрения, которая фокусируется на отношениях человека и объекта и подчеркивает, что люди и общества с различным происхождением придают личную и коллективную ценность объектам (Pearce 1995: 15–16). Историческая перспектива в понимании отношений с материальным миром важна для данного исследования в связи с двумя теоретическими подходами, датируемыми второй половиной 1980-х годов: “политикой ценности” (Appadurai 1986: 3–63; Clifford 1988: 187–252; Pearce 1995: 281–402) и “биографией объектов” (Hoskins 1998: 1–24). “Политика ценности”, как утверждает Аппадурай, имеет три аспекта: эстетический, технический и социальный (Appadurai 1986: 41–47).

Совершенство – еще одна характеристика, на которую обращают внимание при оценке объектов. Это западная конструкция и техническая атрибуция (Pearce 1995: 297). Хранители же восхищаются ремеслом. Им нравится коллекционировать винтажные вещи. Они любят блошинные рынки и антикварные магазины, собирают старые фотоаппараты или крючки для вязания. Их завораживает скрежетание винила, они хранят рисунки и поделки своих детей, сломанные игрушки массового производства. В идиоцентристском коллекционировании не существует единственного параметра для отбора собираемых вещей.

Еще одним компонентом социальной ценности является экономическая ценность. Она подчеркивает возможность обмена. Теория обмена рассматривает среди прочего подарки и товары, и обе эти категории важны для моего обсуждения. Аппадурай их не противопоставляет. Он предполагает, что товар – это этап социальной жизни объекта (Appadurai 1986: 13)⁵. Это предположение Аппадурай оказало влияние и на мое исследование, поскольку оно делает упор на индивидуальном манипулировании культурно регулируемой товарной фазой: такие предметы, как билеты на общественные мероприятия, банки с напитками, флаконы для духов, могут быть частями коллекций.

Игорь Копытофф противопоставляет коммодификацию сингуляризации; оба эти понятия также важны для моего исследования. При определении сингулярности Копытофф обращается к дюркгеймовскому понятию *сакрального*. Сингуляризация – это средство противодействия коммерциализации, иногда приводящее к повторной сингуляризации коммерциализированного. Помимо монополизации, переход в другую товарную сферу, ограничения и окончательная коммодитизация (все это относится к легальным способам) являются формами сингуляризации (Kopytoff 1986: 73–75).

Другая историческая перспектива в понимании отношений с материальным миром рассматривает “биографию объектов”. Эссе Аппадурай теоретизирует политику ценности, а также биографию вещей. Обозначая объекты как вещи, проходящие через различные фазы, Аппадурай подчеркивает, что эти вещи имеют свои собственные биографии, накопленные разными пользователями и используемые в разных контекстах (Appadurai 1986: 34). Джэнет Хоскинс в книге “Биографические объекты: как вещи рассказывают истории о жизни людей” предлагает концепцию “биографических объектов”. Ссылаясь на предположение французского социолога Виолетты Морен об использовании объектов, Хоскинс противопоставляет биографические объекты, которые “сосредоточены на личности и обладают локализованной, конкретной и индивидуальной идентичностью”, товаризированным, которые “создаются внешним протоколом, механически произведены как общественные товары и имеют глобализованную и обобщенную идентичность” (Hoskins 1998: 8). Она полагает, что объекты, которые мы используем в своей жизни из-за их утилитарной и исторической ценности, позволяют нам создавать автонарративы и автобиографии. Ее предположение закладывает основу для понимания объектов, скапливающихся вокруг индивида и группы (Ibid.: 5–9).

Память и ее объекты

Воодушевленная дерзким подходом Мориса Блоха в его вдохновляющей книге “Антропология и когнитивный вызов” (Bloch 2012), я пытаюсь примирить когнитивные и социальные науки и занять междисциплинарную позицию в изучении отношений человека и вещи. В подходах к исследованию этих отношений, в том числе обсуждавшихся в предыдущем разделе, по умолчанию предполагается, что объекты одним своим присутствием запускают когнитивные,

аффективные и исполнительные психические процессы. Я согласна с Блохом (*Bloch* 2012: 3) и утверждаю, что каждый подход к отношениям человека и вещи охватывает [обычно] игнорируемые психические процессы. Люди собирают не только физические вещи. Они коллекционируют слова – чтобы говорить, аккумулируют информацию – чтобы учиться, и накапливают опыт – чтобы помнить. Можно предположить, что собирание включает в себе несколько психических процессов.

Мое исследование сосредоточено на практиках собирания объектов, вызывающих *воспоминания*. Я ограничиваю обсуждение психических процессов памятью. Литература о памяти разнообразна. Предполагая, что междисциплинарный подход здесь важен, я попытаюсь кратко упомянуть релевантную литературу.

Объекты памяти. Когнитивные науки, похоже, согласны с тем, что местонахождением памяти является мозг (*Sutton* 2017; *Kandel* 2006; *Baddeley* 1999), в то время как социальные науки указывают, что память находится в других людях, группах, учреждениях или коллективных представлениях и ключевых символах (*Halbwachs* 1992). За последнее десятилетие не раз предлагалось объединить эти подходы как взаимодополняющие (*Sutton* 2017). В этом случае феномен памяти рассматривается на междисциплинарной основе, предполагающей обсуждение различных факторов. Вещи являются одним из факторов, способствующих пониманию памяти. Цель моего исследования требует обоснования размерности объектов в этой междисциплинарной дискуссии.

Вещи отличаются от других сенсорных раздражителей своим конкретным и постоянным существованием. Более того, в отличие от запаха, вкуса и звука, возбуждающих только одно чувство, вещи своим существованием возбуждают сразу несколько чувств. Мы можем потрогать, увидеть, в конце концов понюхать, попробовать или услышать их. Даже когда вещи теряют некоторые из своих сенсорных свойств, они не исчезают. Они могут сопровождать наши переживания и сохраняться как свидетельства этих переживаний. Вещи живут дольше людей. Физическое существование вещей длительнее, чем физическое существование человеческих тел (*Gibson* 2008: 7–44). Следовательно, вещи могут переживать неоднократно, в разные периоды, в разных местах или разными людьми. Их роль как коррелятов памяти обеспечивает гораздо более подходящую почву для обсуждения идиоцентристского коллекционирования. Вещи кодируют воспоминания и по-разному стимулируют пересмотр жизни.

Важное значение для моего дальнейшего обсуждения идиоцентристского коллекционирования имеет различие, которое Киршенблатт-Гимблет провела между типами объектов, отношениями этих объектов к прошлому и ансамблями, которые они образуют (*Kirshenblatt-Gimblett* 1989: 329). Предметы домашнего интерьера – материальные спутники нашей жизни⁶. Они накапливают смысл и ценность благодаря своей преемственности и постоянству в жизни их владельцев (*Ibid.*: 329). Кухонная утварь и посуда, которые могут быть старше нас, являются примерами этого типа объектов. Попадая в частную сферу, эти вещи меняют свою ценность и статус (*Gibson* 2008: 7–44). Еще одну группу предметов, являющихся концентрированными стимулами воспоминаний, составляют мementos и сувениры. Они обозначают определенные события, людей и переживания и отсылают к ним. Они ценятся как часть биографического целого. Безделушки, фольклорные вещицы, альбомы для вырезок и фотоальбомы входят в число объектов, кодирующих воспоминания. Еще одна группа предметов – коллекционные вещи (*collectables*). Они отличаются тем, как они приобретаются и комплектуются. Останавливая время, коллекции предлагают удовольствия автономной и контролируемой замкнутой вселенной (*Kirshenblatt-Gimblett* 1989: 330).

Классификация Киршенблатт-Гимблет не включает предметы повседневного обихода, которые оказываются в неожиданных местах из-за стихийных бедствий, войн и миграций (об этих предметах упоминает Гибсон: *Gibson* 2008: 7–44). Она называет их кочующими объектами, поскольку они путешествуют и перемещаются вместе со своими владельцами. Я предполагаю, что эти объекты являются и утилитарными, и мнемоническими. Летом 2015 г. я посетила о-в Лесбос и стала свидетелем драматического марша беженцев. На берегу валялись груды плотов и спасательных жилетов. Я заметила, что на обочинах дорог валялись рюкзаки и одежда. Проходя по 40–50 км в день под солнцем, в 40-градусную жару, люди расставались с частью своего имущества. Вероятнее всего, в длительном и опасном путешествии беженцам приходилось отбирать самое необходимое. Мне стало интересно, взяли ли они с собой что-нибудь, что имело бы какое-то иное значение, кроме практического. В британском издании *Huffington Post* есть статья о сирийском беженце, сохранившем свои университетские работы и дорогие ему фото: “В отличие от многих туристов, хранящих ценные фотографии только в электронном виде на мобильном телефоне, Букай просматривает свой личный альбом с детскими снимками, на которых запечатлены он сам в подростковом возрасте в школьной форме и поездки с семьей на пляж” (*Sherriff* 2015). Моменты прошлого, надежды и гарантии будущего передаются в осязаемых формах.

Международный комитет спасения (IRC) опубликовал фотографии рюкзаков беженцев под заголовком “Что в моей сумке?” Вещи рассказывают истории о прошлом людей и надеждах на будущее. В рюкзаке Нура вместе с сирийским флагом и палестинским амулетом были такие памятные вещи, как четки, часы, пара гитарных медиаторов и деревянные браслеты, – он отобрал самые миниатюрные предметы. Дэвид Паркин утверждает, что люди перемещаются вместе с объектами, к которым они привязаны, или относительно таких объектов. Он утверждает, что беженцы берут предметы для повседневного использования (подгузники, салфетки и банки из-под еды – в рюкзаке матери, у которой брал интервью IRC) и для установления или переопределения личного и культурного происхождения (отчеты и рефераты – в рюкзаке Букай, у которого брала интервью корреспондентка *Huffington Post*). Паркин называет такие вещи переходными объектами (*transitional objects*) и фокусируется в основном на сувенирах (*Parkin* 1999). Являясь напоминанием (мементос) чувств и знаний культуры и в то же материальной основой для дома на новом месте, переносимые людьми во время кризиса “переходные объекты” вписывают их личность в бегство, но предлагают им возможности деобъективизации и реперсонализации (*Ibid.*).

Для обозначения объектов памяти и в английском, и в турецком языках есть довольно много слов. В английском это *memorabilia*, *keepsake*, *memento* и *souvenir*, в турецком – *yadigâr*, *andaç*, *anmalık*, *hatura* и *bergüzar*. Можно хранить и использовать вещи, отсылающие к травме. Документальный фильм Джонатана Фейна и Брайана Даница “Объекты и память” (2010) рассказывает о людях, сохранивших памятные вещи после 11 сентября и других потрясений. Этот фильм о том, как люди с помощью обычных вещей рассказывают свои истории, связанные с другими людьми, местами и событиями (*Fein, Danitz* 2008). Мы можем проследить связь между вещами и памятью не только в западном современном обществе. В литературе эта связь обсуждается чаще в терминах коллективной памяти. В частности, в качестве носителей памяти упоминаются религиозные и сакральные предметы (*Paine* 2013: 53). Однако вовсе не только коллективная память может овеществляться. Пейн утверждает:

Приходит ли воспоминание, которое человек связывает с вещью, из его личного опыта или является частью коллективной памяти, является ли оно подлинным или сфабрико-

ванным, имеет мало значения для того, как этот человек относится к данной вещи. Независимо от происхождения привязанности, по мнению наблюдателей, она реальна и ведет непосредственно к притязаниям на эту вещь (Ibid.).

Примером такого подхода можно считать частные святыни, созданные из предметов коллективной памяти, например икон и миниатюр. Как утверждают исследования последних десятилетий, даже в обществах, где господствующей моральной установкой признается коллективизм, не только коллективная память оказывается связанной с вещами. В своем исследовании народа *кодине* в Восточной Индонезии Хоскинс, рассказывая о шести женщинах и мужчинах, повествующих о своих жизни, имуществе и вещах домашнего обихода, упоминает о мешке с бетелем местного знатока традиций как вместилище памяти предков и событий его биографии (Hoskins 1998: 26–27).

Практика коллекционирования

Коллекционирование – это средство построения жизни и отношений между людьми и материальным миром (Pearce 1995: 4). Белк называет процесс коллекционирования “активным, избирательным и страстным приобретением и владением вещами, выведенными из обычного употребления и воспринимаемыми как часть набора неидентичных объектов или переживаний” (Belk 2006: 535)⁷. Как он отмечает, [в литературе] редко встречаются утверждения, что коллекционирование является биологическим императивом (Ibid.: 538). Этот императив вряд ли можно считать метаболическим, гомеостатическим или репродуктивным, поскольку он, по-видимому, не удовлетворяет жизненно важные биологические потребности, как при собирательстве пищи (Andersson, Krebs 1978: 707–711). Хампри, однако, утверждает, что коллекционирование имеет биологическую основу, поскольку оно дает удовлетворение упорядочивания, которое этот автор определяет как “тесно связанное с выживанием”. Споря с Дюркгеймом, Хампри утверждает, что все способные к обучению виды используют классификацию как решающий способ выживания (Humphrey 1979: 47). Кардинал и Эльснер обсуждают классификацию как “зеркало коллективных мыслей и восприятий”, а коллекционирование – как его материальное воплощение (Cardinal, Elsner 1994: 2).

Психология. В этом исследовании я исхожу из предположения, что “коллекционирование” является общим термином для всех способов собирания вещей – материальных и нематериальных. Психология оказывает основное влияние на наше понимание людей, занимающихся коллекционированием. Когда эта практика увязывается с материальными вещами и приписывается индивидам, возникает тема девиантности. Клиффорд утверждает: “Правильное отношение к вещам (обладание по правилам) предполагает дикое (*savage*) или девиантное отношение (идолопоклонство или эротическую фиксацию)” (Clifford 1988: 219). В широком спектре обсуждений коллекционирования мы часто встречаем рассуждения об аномалиях как социальных, так и психиатрических – оба типа аномалий могут обсуждаться с позиций Фуко в отношении политики ценности и политики коллекционирования. Однако существует и крайний, чрезмерный способ собирания вещей, клинически определяемый как [патологическое] накопительство (*hoarding*; Frost, Hristova 2011: 1).

Хотя систематическое коллекционирование, на первый взгляд, одобряется обществом (напр., клубами) и рынком (аукционы, блошинные рынки), те, кто этим занимается, по-прежнему считаются эксцентричными людьми. Предполагается, что основу традиции рассматривать эту практику именно с психологической точки зрения заложили карикатуры на коллекционеров французского моралиста Жана де ла Брьюера, опубликованные в 1688 г. (Chang 1996: 95).

С тех пор доминирующей тенденцией в интерпретации этой практики стал психологизм. Даже при том, что коллекции картин и антиквариата находятся в центре внимания искусствоведов, люди, их собирающие, привлекают внимание психологов и психоаналитиков. Вернер Мюнстербергер относится к числу психоаналитиков, внесших весомый вклад в исследование систематического коллекционирования. Он считается одним из теоретиков культуры, связывающих эту практику с невротическими, фетишистскими, компульсивными проявлениями или навязчивыми желаниями (*Melchionne* 1996: 524). Его “Коллекционирование: неуправляемая страсть” (*Muensterberger* 1994) “перекликается с традицией Лабрюйера” (*Chang* 1996: 95).

Психология обсуждает систематическое коллекционирование в контексте таких тем, как развитие ребенка и фетишизм. Фрост и Стекетти утверждают, что почти все дети собирают вещи, иногда начиная с трехлетнего возраста, когда, как считается, они начинают усваивать притяжательные местоимения “мой” и “твой” (*Frost, Steketee* 2010: 52). Клиффорд, похоже, согласен с тем, что между систематическим коллекционированием и детским опытом существует связь. Он определяет детское собирательство как “канализацию одержимости, упражнение... по освоению мира и отбор со вкусом подходящих для себя вещей, что отражает более широкие культурные правила рациональной таксономии, пола (*gender*), эстетики” (*Clifford* 1988: 218). Мюнстербергер, как и некоторые другие теоретики (Джонс, Абрахам, Фенихель и Лернер), устанавливает связь между систематическим коллекционированием и детским опытом (*Pearce* 1995: 7). Бодрийяр утверждает, что собирательство (*collecting*) для ребенка “представляет собой наиболее примитивный способ контроля над внешним миром: за счет раскладывания, группировки и обращения с вещами” (*Baudrillard* 1994: 9). Таким образом, по всей вероятности, существует согласие в том, что систематическое коллекционирование характерно именно для ранних стадий детства.

Независимо от того, постулируется ли это как компонент развития или как защитный механизм от утраты, Бодрийяр считает, что систематическое коллекционирование исчезает с началом полового созревания (*Ibid.*). Я полагаю, что позиция, в соответствии с которой эта практика характерна только для периода детства, является причиной тенденции “патологизировать” ее взрослые варианты. Предполагается, что во взрослом возрасте она помогает приглушить боль, потерю и тревогу, пережитые в детстве. Мюнстербергер указывает на коллекционирование как на следствие пренебрежения и детских травм (*Chang* 1996: 95). Даже если систематическое коллекционирование реализуется с учетом культурных норм, рациональной таксономии и эстетики (как полагает Клиффорд [*Clifford* 1988: 218]), оно до сих пор рассматривается как результат психологического сбоя. Ссылаясь на такие показатели, как одержимость контролем и нежелание делиться, Бодрийяр считает, что коллекционирование психологически коррелирует с так наз. анальной стадией (*Baudrillard* 2010: 108).

Фетишизм входит в число тем, также обсуждаемых в связи с коллекционированием. Коллекционирование может рассматриваться как социально и морально одобряемый вид фетишизма (*Clifford* 1988: 219; *Baudrillard* 2010: 124; *Stewart* 1993: 163). Указывая на коллекции как на помощника в количественной оценке объектов, их упорядочивании, размещении и манипуляции, Сьюзен Стюарт проводит границу между коллекционированием и фетишизмом в отношении классификации и показа, бросающего вызов идее секретности (*Stewart* 1993: 163). Клиффорд также обращается к психологическому аспекту фетишизма и, как кажется, невольно соглашается с тем, что культурные правила обусловлены психологией (*Clifford* 1988: 219). Бодрийяр обсуждает связь между коллекционированием и фетишизмом с иных позиций. Для него фетишизм как

сексуальная перверсия тесно связан с телом другого, представляющим собрание желаемых его частей (*Baudrillard* 2010: 124). Стюарт полагает, что дополненный классификацией и демонстрацией фетишизм и создает само коллекционирование, тогда как Бодрийяр считает, что основой фетишизма является встречающиеся свои объекты желание.

Теория культуры и антропология. Среди антропологических подходов я считаю интересной идею Аппадурай о траекториях и отклонениях. Он рассматривает два пути, по которым объекты шествуют в своей социальной жизни. Первый – традиционные траектории (*pathways*), регулируемые обществом. Второй – отклонения (*diversions*), это альтернативный маршрут, разрешенный лишь для отдельных лиц и учреждений (*Appadurai* 1986: 16). Ожидается, что флакон духов или банка из-под напитка будут выброшены после того, как их содержимое закончится. Это путь товаров массового производства. Отклонение может происходить двумя способами. Музей, посвященный истории парфюмерии, станет институционализированной манипуляцией традиционным и предопределенным маршрутом, по которому пойдет парфюмерный флакон. Билет в театр в персональном альбоме для вырезок подчеркнет индивидуальный подход к маршруту вещи.

Аппадурай рассматривает коллекционирование на современном Западе как “лучший пример отклонения товаров от места их первоначального нахождения (*nexus*)” (*Appadurai* 1986: 28). Примеры, варьирующиеся от музейных экспозиций археологических коллекций, раскопанных в далеких странах, до четок, которые не используются для молитвы, а являются частью собрания, подтверждают его предположение. И Клиффорд, и Пирс обсуждают коллекционирование в рамках темы “коллекционирование Себя”. Клиффорд указывает на идентичность как на неестественную и не невинную. Для него коллекционирование – это «стратегия развертывания собственного “Я”, а идентичность, зависящая от обладания опытом, объектами, знаниями и воспоминаниями, считается западной идеей» (*Clifford* 1988: 218). Пирс предполагает, что западное представление о коллекционировании зависит от конструирования Себя и Другого. Она утверждает, что индивидуальное “Я” – это совокупность генетического наследия, личной истории, экономической ситуации и материальной культуры (*Pearce* 1995: 168). Построение Себя происходит по трем осям: время, пространство и мораль, которые позволяют конструировать Другого (*Ibid.*: 310–330).

Субъект коллекционерской практики

Если мы сосредотачиваемся на практике коллекционирования, мы должны обсуждать всех реальных людей, использующих ее, – от накопителей (*hoarders*) до коллекционеров. Однако прежде необходимо обсудить понятие самости с антропологической точки зрения. Такое обсуждение подчеркнет позицию личности по отношению к коллекциям как избранной и собранной части материального мира. Я полагаю, что соответствующие подходы помогут мне достичь цели позиционирования “Я” по отношению к материальному миру.

Антропологические подходы к понятию самости. В антропологии существуют различные подходы в теориях и исследованиях Себя (*Self*). Разные концепции освещают историю размышлений о Себе с различных точек зрения. Блох предпочитает ссылаться на “балийскую личность” Гирца, *moi* Мосса и “самость” Розальдо как на важные вехи в обширной антропологической литературе о самости (*Bloch* 2012: 120). В течение десятилетий культурные антропологи предполагали, что самость культурно детерминирована или сконструирована, и

пытались определить разнообразие культурных личностей по контрасту с западной концепцией самости (Ewing 1990: 251). Антропологические рассуждения о Себе основаны на релятивистской парадигме (Ibid.: 255). Хотя релятивистский подход признает, что самостей должно быть столько же, сколько и культур, все согласны с тем, что в мире детерминированы два вида Я-концепции: западная и незападная. Блох критикует противоречивость релятивистской парадигмы, указывая на ее дуалистический подход и противопоставление индивидуалистского “Я” коллективистскому (Bloch 2012: 120). Юинг также утверждает, что одной модели для понимания того, как самость определяется или представлена в каждой культуре, недостаточно (Ewing 1990: 257). Самость, отмечает Юинг, – это и культурная репрезентация, принятая индивидом, и ментальная репрезентация индивида (см. также: Spiro 1993: 109). Таким образом, дуализм релятивистской парадигмы западного и незападного «“Я” подчеркивает культурное, но игнорирует ментальное» (Bloch 2012: 120).

Новые перспективы. Мы видели, что за последние два десятилетия антропологический подход к самости сместился в сторону междисциплинарного. Чтобы обсудить Я-концепцию и связать ее с моим предположением об идиоцентристском характере коллекционирования, я обращаюсь к недавним перспективам. Их обсуждение может показаться неуместным, поскольку они не рассматривают связь с материальным миром. Однако результаты моего исследования свидетельствуют о том, что собираемые объекты являются репрезентациями и индексами самости.

Я кратко рассмотрю меняющиеся “Я” у Юинг. В своей влиятельной статье “Иллюзия целостности: культура, самость и опыт непоследовательности”, где обращается внимание на непоследовательные сдвиги в представлениях о себе у интервьюируемого, с которым она работала во время полевого исследования в Пакистане, Юинг утверждает, что, когда возникает потребность в спонтанном решении относительно когерентного “Я”, люди могут сталкиваться с внутренним конфликтом и склонны идти на компромисс с определенными “Я”, связанными с непоследовательными намерениями (Ewing 1990: 253).

Юинг связывает представление о Себе с изменениями Других и окружающей среды (Ibid.), что особенно важно для моих рассуждений о природе прошлого и будущего “Я”. Я могу дополнить этот подход, утверждая, что наши представления о Себе изменяются в отношении переживаемых прошлых “Я” и воображаемых будущих “Я”. Из многочисленных переживаний, намерений и представляющих их самостей в каждой саморепрезентации отбирается только какая-то часть. Юинг утверждает, что существует активный семантический процесс, организующий репрезентирующие воспоминания, обеспечивающие связность и непрерывность [самости] (Ibid.: 263). Я же предполагаю, что идиоцентристское коллекционирование аналогичным образом организует определенные фрагменты переживаний и намерений с помощью вещей. Таким образом, утверждение Юинг подтверждает мое предположение, что коллекционирование – это физическое проявление нейропроцессов.

Согласование позиций. В последние два десятилетия инвариантному представлению о Себе был брошен вызов. Во вдохновляющей работе “Антропология и когнитивный вызов” Блох пытается примирить подходы социальных и когнитивных наук. Он предлагает альтернативные дисциплины, где универсалисты и культурные релятивисты могут встретиться и сотрудничать, и стремится изменить почву, на которой происходят дебаты между ними (Bloch 2012: 118–119). Блох ссылается на двух антропологов – Наоми Куин и Мелфорда Спиро, критикующих релятивистскую позицию в обсуждении личности. В работе Наоми Куин “Я” подвергается сомнению идея интегрированного “Я” (Ibid.: 122).

Взгляд Куин важен для моего исследования, поскольку автор ссылается на два недавних подхода к образующим личность нейронным процессам, вопреки тому, что “антропологи испытывают антипатию к любому биологическому объяснению” (Quinn 2006: 363).

В междисциплинарных исследованиях, подобных моему, лидеры смены парадигмы обещают создать новую основу для регулярных теоретических дискуссий. Я отношу Куин к числу этих пионеров, поскольку она, чтобы проиллюстрировать ценность таких исследований, обсуждает недавно открытые нейробиологические характеристики личности. В своем поиске расширенного определения “Я” Куин утверждает, что подход к саморепрезентации является неполным и ограничивает антропологическую теорию (Ibid.: 364). Куин обращается к Юинг, а также к нейробиологам Джозефу ЛеДу и Майклу Газзаниге, исследования которых имеют отношение к моему рассмотрению только в связи с попыткой Куин примирить различные подходы, поэтому я буду ссылаться на тезисы Куин. Модуль интерпретатора, который предлагает Газзанига, представляет собой нейронную систему, предназначенную для интерпретации нашего жизненного опыта по мере его возникновения (Ibid.: 366).

Поскольку в моей статье предполагается, что коллекционирование является физическим проявлением психических процессов, следует кратко обсудить исследования, посвященные нейронным процессам, как еще одну основу рассмотрения этой практики. В этой связи необходимо упомянуть, что Куин поддерживает определение личности ЛеДу. В “Синаптическом Я” (“Synaptic Self”, 2002) ЛеДу определяет Себя как “совокупность того, чем является организм физически, биологически, психологически, социально и культурно” (Ibid.: 369). Куин цитирует ЛеДу и утверждает, что опыт провоцирует образование химических веществ, являющихся модуляторами, улучшающих память и способствующих синаптической пластичности. Переживания, таким образом, делают нас теми, кем мы сами себя считаем (Ibid.). Данный подход проясняет, почему идиоцентристское коллекционирование помогает хранителям идентифицировать себя. Их собрания предметов становятся существенным свидетельством личных переживаний. Каждый раз, когда люди касаются памятных вещей или видят их, срабатывают модуляторы, напоминая им, кем они являются.

Что делает подход ЛеДу еще более интересным, так это механизм, который он называет “нейронной самосборкой” и который представляет собой “зоны конвергенции и области, где может интегрироваться информация из различных систем” (Ibid.: 369–370). Я чувствую себя обязанной визуализировать этот процесс самосборки как зависящий от сохраняемых сокровищниц с памятными вещами. Люди собирают и хранят кусочки своего опыта. Такого рода вещи накапливаются в особых зонах материальной конвергенции, например в обувных коробках. Подобно нейронным процессам, в этих зонах интегрируется информация о различных ситуациях, людях и переживаниях.

Исследование и его результаты

В Турции мы редко слышим понятие *istifçi* (накопитель), связанное с клинической патологией. Однако медиа регулярно сообщают о замусоренных жилищах (*çöp evler*). Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам, опубликованное Американской психиатрической ассоциацией, характеризует накопительство как “трудности с избавлением от имущества или расставания с ним, независимо от ценности, которую другие могут приписывать этому имуществу” (APA 2015). Внимание к чрезмерному собиранию важно потому, что в противном случае оно оставалось бы скрытой практикой коллекциони-

рования. Однако его интенсивность и чрезвычайно широкий охват (и, кроме того, укоренившаяся точка зрения, с которой оно рассматривается) могут парализовать наш подход, и мы можем не заметить реальных мотивов, стоящих за ним. Исследование, которое фокусируется на накопительном способе коллекционирования, потенциально попадает в рамки дискуссии о патологии. Я предлагаю рассматривать накопителей только как экстремальную группу, которая помогает провести границу между идиоцентристским собирательством и накопительством, к тому же накопителей с “диагнозом” в этом исследовании не было.

В качестве оправданий хранители приводили следующие аргументы: “помнить” (человека, место, событие), “прикоснуться к прошлому”, “иметь свидетельства пережитого опыта”, “выразить себя”, “сохранить”, “спасти”; кроме того, упоминались такие доводы, как “нравится”, “чтобы убить время”, “передать детям”. Систематические коллекционеры отмечали несколько иное: “собирать, потому что это может пригодиться”, “перерабатывать”, “повторно использовать”, “инвестировать”, “накапливать знания”, “из-за невозможности выбросить” и “возможность сэкономить”. Все эти оправдания относятся как к будущему, так и к прошлому.

Таким образом, общее убеждение, что коллекционирование связано только с прошлым, представляется неверным. Хранители, как уже отмечалось, собирают вещи для будущего не только из утилитарных соображений, у них также есть обоснования, связанные с памятью: для “прикосновения к прошлому и к будущему”. Они собирают вещи, чтобы помнить в будущем. Поэтому даже те предметы, которые хранятся и собираются для того, чтобы вспоминать и переживать прошлое, невольно подчеркивают и будущее. Как материальные представления, личные коллекции обеспечивают целостность и преемственность моментов прошлого, настоящего и будущего.

* * *

Данный обзор фокусировался на людях, собирающих вещи как воплощения прошлого и будущего. Коллекционирование зависит от чувства времени. Западная метаконцепция времени линейна. С помощью часов, календарей и стареющих тел время полагается движущимся вперед и необратимым. Однако известно, что не каждая культура воспринимает время как линейное. Есть культуры, которые воспринимают его как циркулярное или спиральное (Lee 1950). Если бы в оправданиях идиоцентристского коллекционирования подчеркивалось только прошлое, это подтвердило бы мое первоначальное предположение, что коллекционеры сопротивляются метаконцепции необратимого линейного времени и ищут “черный ход”, чтобы испытать круговое или спиральное время. Однако акцент владельцев коллекций на будущее подсказывает новый подход. Поскольку воспоминания о прошлых моментах и воображаемые видения будущего, воплощенные в собранных объектах, обеспечивают нам одномоментную связь с несколькими временными отрезками, о чем свидетельствуют результаты нашего рассмотрения, можно говорить о том, что время имеет структуру сети, оно не является ни линейным, ни циркулярным.

Люди овеществляют то, что отсутствует в пространстве или времени. Те, кто собирают вещи, овеществляют и прошлое, и будущее, само абстрактное понятие времени, воплощая время в предметах, сохраняющихся благодаря коллекционированию. Меморабилиа коллекционеров помогают им противостоять угрозе исчезновения вещей – особенность, характеризующая физическое существование самих людей. Я прихожу к выводу, что коллекционирование зависит от интенции на реификацию. Люди организуют собственный мир, классифицируя окружающий их материальный мир. Те, кто коллекционируют вещи, одно-

временно классифицируют свои миры, выбирая и собирая предметы, которые представляют их личности. Таким образом, идиоцентристское коллекционирование как форма отношений человека и вещи отражает тенденцию организовывать и классифицировать хаотический беспорядок вещей в зависимости от того, какие из них связаны с Я-концепцией, а какие – нет. Люди, собирающие вещи, связанные с прошлым, устанавливают связь со своим прошлым “Я”. Люди, собирающие вещи, связывающие их с будущим, воображают и планируют Себя в будущем. Вещи, которые собираются, связывают их прошлое и будущее, обеспечивая непрерывность и последовательность “Я”. Таким образом, коллекционирование зависит от чувства Себя.

Идиоцентристское коллекционирование – это способ объединить Себя с прошлым, настоящим и будущим “Я”. Вдохновляет прежде всего то, что этимологическое определение *бирик*- (этимологический корень слова *бириктурмек*) относится к объединению, соединению и сбору. Хранители собирают вещи, которые они считают доказательством того, кем они были, кто они есть и кем они будут, связывая эти предметы с ключевыми моментами своей жизни. Коллекционеры собирают вещи, которые они считают ваучерами в будущее “Я”, катализаторами, которые сделают их теми, кем они хотят стать. Таким образом, личные коллекции дают их обладателям чувство преемственности и последовательности во времени и пространстве.

Примечания

¹ Этимология *birik* (*birleşmek*, *bir araya gelmek*) – объединять, собирать (<http://www.nisanyansozluk.com/?k=birik->).

² Неточная цитата из “Немецкой идеологии”: “Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, – шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самую свою материальную жизнь (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 19) (Прим. пер.).

³ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 23. С. 43 (Прим. пер.).

⁴ “...молоток участвует в акте забивания; забивание необходимо, чтобы сделать что-то быстро, а быстрое выполнение связано с защитой человеческого агента от плохой погоды. Такие тотальности связей являются контекстами повседневного взаимодействия с инструментами. Как таковые эти тотальности определяют инструментальные сущности, так что чем является молоток понятно только по отношению к жилищу и, более того, ко всем другим предметам снаряжения, к которым он значимо относится в повседневных практиках *Dasein*” (Wheeler 2011, § 2.2.3).

⁵ Аппадурраи, опираясь на работы Пьера Бурдьё, критикует оппозицию товара и подарка как излишне жесткую и рассматривает дарообмен в качестве одной из форм товарообмена, что позволяет смотреть на дарение как на часть товарных отношений, а на подарки – как на особый вид товара (*commodity*). Таким образом, “товарная фаза” в социальной жизни объекта характеризует и подарки как особую форму товарных объектов (Прим. пер.).

⁶ Однако очевидно, что не каждый объект создает чувство привязанности, вызывая определенные воспоминания или истории. Как отмечает Гибсон, объекты, которые производятся массово, занимают коллективные бытовые пространства и предполагают определенные формы использования (телевизоры, холодильники и т.д.), являются как раз такими исключениями (Gibson 2008: 7–44).

⁷ Я считаю значимой первую часть его высказывания с упором на индивидуальное манипулирование статусом объектов. Однако вторая часть вызывает сомнения, так как он идентифицирует объекты коллекций как “нетождественные”. Белк, вероятно, исключает предметы массового производства, которые становятся частью определенных коллекций.

Источники и материалы

APA 2015 – American Psychiatric Association. 21.10.2015. <http://www.dsm5.org/Documents/Obsessive%20Compulsive%20Disorders%20Fact%20Sheet.pdf>
Fein, Danitz 2008 – *Fein J., Danitz B.* (dirs.) *Objects and Memory* [Motion Picture]. 2008 // IMDB. <https://www.imdb.com/title/tt1337521>
Sherriff 2015 – *Sherriff L.* I Hope It Will Be Enough // *Huffington Post*. 30.11.2015. http://www.huffingtonpost.co.uk/2015/09/03/i-hope-it-will-be-enough-syrian-refugee-depending-education-save-him_n_8081438.html

Research Article

Güngör, S.A. Homes as Memory Boxes: A Cognitive Approach to Understanding Attachment to Possessions [Doma kak vmeshtilishcha pamiati: kognitivnyi analiz priviazannosti k imushchestvu]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 44–60. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060040> EDN: MNYEVA ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sibel Aksu Güngör | <http://orcid.org/0000-0003-4514-3673> | sibel.gungor@puhu.com | Projects for Utility and Humanity (PUHU) Research and Consultancy (Kadıköy, 34740, Istanbul, Turkey)

Keywords

collecting, objects, memorabilia, collection, memory, self, time, reification, classification, self-representation

Abstract

The article presents a review and analysis of collecting as collecting things of a certain type, discussed in a wide range of this practice, from compulsive accumulation to collecting works of art and museum collections. Furthermore, there are people who store and collect things related to their experiences and intentions. I designate this type of gathering as idiocentric gathering and explore the motives of their keepers. Claiming that collecting is one of the psychic manifestations, this study uses a theoretical approach that encompasses discussions (including in-depth interviews and focus groups) about the relationship of human being and thing, memory and self. A cognitive perspective and ethnosemantic analysis are used to evaluate the collected data. I argue that idiocentric collecting is a way of connecting the past and the future, providing the custodians with a sense of continuity and connectedness in time and space.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant number 075-15-2022-328]

References

Andersson, M., and J. Krebs. 1978. On the Evolution of Hoarding Behaviour. *Animal Behaviour* 26: 700–711.

- Appadurai, A., ed. 1986. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Baddeley, A.D. 1999. *Essentials of Human Memory*. New York: Psychology Press Ltd.
- Barthes, R. 1986. *Elements of Semiology*. New York: Hill & Wang.
- Baudrillard, J. 1994. The System of Collecting. In *The Cultures of Collecting*, edited by J. Elsner and R. Cardinal, 7–24. London: Reaktion Books.
- Baudrillard, J. 2010. *Nesneler Sistemi* [The System of Things]. İstanbul: Boğaziçi Üniversitesi Yayinevi.
- Belk, R. 2006. Collectors and Collecting. In *Handbook of Material Culture*, edited by C. Tilley et al., 534–545. London: Sage.
- Bloch, M.E. 2012. *Anthropology and Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cardinal, R., and J. Elsner, eds. 1994. *The Cultures of Collecting*. London: Reaktion Books Ltd.
- Chang, T. 1996. Models of Collecting. *Oxford Art Journal* 19 (2): 95–97.
- Clifford, J. 1988. *The Predicament of Culture Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Durkheim, E. 2004. The Cosmological System of Totemism and the Idea of Class. In *Anthropological Theory: An Introductory History*, edited by R.J. McGee and R.L. Warms, 92–102. New York: McGraw Hill.
- Ewing, K.E. 1990. The Illusion of Wholeness: Culture, Self, and the Experience of Inconsistency. *Ethos* 18 (3): 251–278.
- Frost, R.O., and G. Steketee. 2010. *Stuff Compulsive Hoarding and the Meaning of Things*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Frost, R.O., and V. Hristova. 2011. Assessment of Hoarding. *Journal of Clinical Psychology* 67 (5): 1–11.
- Gibson, M. 2008. *Objects of the Dead: Mourning and Memory in Everyday Life*. Melbourne: Melbourne University Press.
- Halbwachs, M. 1992. *On Collective Memory*. London: University of Chicago Press.
- Heidegger, M. 1996. *Being and Time*. Albany: SUNY Press.
- Hoskins, J. 1998. *Biographical Objects: How Things Tell the Stories of People's Lives*. New York: Routledge.
- Humphrey, N. 1979. The Biological Basis of Collecting. *Human Nature* 2: 44–47.
- Kandel, E.R. 2006. *In Search of Memory the Emergence of a New Science of Mind*. New York: W.W. Norton & Co.
- Kirshenblatt-Gimblett, B. 1989. Objects of Memory: Material Culture as Life Review. In *Folk Groups and Folklore Genres: A Reader*, edited by E. Oring, 329–338. Logan: Utah State University Press.
- Kopytoff, I. 1986. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In *The Social Life of Things Commodities in Cultural Perspective*, edited by A. Appadurai, 64–91. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lacewing, M. n.d. *Plato's Theory of Forms*. https://www.alevelphilosophy.co.uk/handouts_religion/PlatoTheoryForms.pdf (retrieved: 21.03.2012).
- Layton, R. 2006. Structuralism and Semiotics. In *Handbook of Material Culture*, edited by C. Tilley et al., 29–42. London: Sage.
- Lee, D. 1950. Codifications of Reality: Lineal and Nonlinear. *Psychosomatic Medicine* 12: 89–97.
- Marx, K. 1992. *Capital*. Vol. 1, *A Critique of Political Economy*. London: Penguin.
- Marx, K., and F. Engels. 2004. Feuerbach: Opposition of the Materialist and Idealist Outlook. In *Anthropological Theory: An Introductory History*, edited by R.J. McGee and R.L. Warms, 67–81. New York: McGraw Hill.

- Melchionne, K. 1996. Collecting: An Unruly Passion: Psychological Perspectives (Review). *Philosophy and Literature* 20 (2): 524–526.
- Muensterberger, W. 1994. *Collecting: An Unruly Passion: Psychological Perspectives*. Princeton: Princeton University Press.
- Paine, C. 2013. *Religious Objects in Museums: Private Lives and Public Duties*. London: Bloomsbury.
- Parkin, D. 1999. Mementoes as Transitional Objects in Human Displacement. *Journal of Material Culture* 4 (3): 303–320.
- Pearce, S.M. 1995. *On Collecting: An Investigation into Collecting*. Abingdon: Routledge.
- Quinn, N. 2006. The Self. *Anthropological Theory* 6 (3): 362–384.
- Redding, P. 1997. Georg Wilhelm Friedrich Hegel. In *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by E.N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/entries/hegel>
- Spiro, M. 1993. Is the Western Conception of the Self “Peculiar” within the Context of the World Cultures? *Ethos* 21 (2): 107–153.
- Stewart, S. 1993. *On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection*. London: Duke University Press.
- Sutton, J. 2017. Memory. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by E.N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/entries/memory>
- Thomas, J. 2006. Phenomenology and Material Culture. In *Handbook of Material Culture*, edited by C. Tilley et al., 43–59. London: Sage.
- Tilley, C. 2006. Theoretical Perspectives. In *Handbook of Material Culture*, edited by C. Tilley et al., 7–11. London: Sage.
- Wheeler, M. 2011. Martin Heidegger. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by E.N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/entries/heidegger>